ЛЮБОВНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Галия Мавлютова

Прыжок домашней львицы

Галия Мавлютова

Прыжок домашней львицы

«Эксмо»
2008

Мавлютова Г. С.

Прыжок домашней львицы / Г. С. Мавлютова — «Эксмо», 2008

Не было печали у Валентины кроме заботы о любимом муже. Все, что так нравилось ему, – уютное семейное гнездышко, вкусные обеды и ужины – прекрасно удавалось верной жене. Но: пришла беда – отворяй ворота. Муж похищен – и чтобы его снова увидеть, Вале нужно найти крупную сумму денег. Что делать? Искать. Пугливая домашняя женщина выходит на тропу войны… Ей встречаются новые и уже забытые люди, сталкивается прошлое и настоящее, мягким светом пробивается новая любовь. Удастся ли ей выручить мужа из ловушки и не попасться самой?

© Мавлютова Г. С., 2008
© Эксмо, 2008

Мавлютова Галия Сергеевна
Прыжок домашней львицы

Маленький убогий человечек юрким колобком выкатился из комнаты и всем телом обрушился на капитана, едва не сбив его с ног. Капитан Бронштейн брезгливо поморщился и посторонился, уступая дорогу, ведь старик нарочно налетел на капитана. Это был не простой старик – крохотный, тощий, кривоногий, весь какой-то изломанный. И было в нем что-то неприятное, отталкивающее, запоминающееся. Нервный дедушка рассыпал вокруг себя искры, напоминая тлеющую головешку; не извинившись перед капитаном, он буркнул что-то невразумительное и выругался, клокоча шипящими звуками.

– Кто этот трухлявый пень? – сказал Лева Бронштейн, входя в огромное помещение, где за одиноким столом сидел молодой мужчина, издалека напоминавший старый макинтош, серый, тощий, сильно поношенный. Мужчина что-то неистово комкал и рвал, вкладывая в процесс уничтожения неизрасходованный запал души. Повсюду валялись изорванные клочки бумаги. Бывший участковый Николай Чуркин только что перевелся на другую службу, но пока еще не приступил к исполнению должностных обязанностей, находился в свободном полете между небом и землей. И Николая вполне устраивало его нынешнее положение.

– Это же наш дед, из бывших, он же нам явочную сдал; ты у меня адрес брал, Лева? – сказал Чуркин, деловито разрывая какие-то бумаги на мелкие кусочки.

– Адрес? Брал, – сказал Лева, вглядываясь в бумажные клочки, – а что ты там рвешь, свой рапорт на отпуск, что ли? Говорят, у этого деда зимой снега не выпросишь, он от жадности свое дерьмо может проглотить.

– Есть такое дело, скуповат старичок. И вдруг сам навязался, дескать, для своих ничего не жалко. Он сдает квартиру за копейки. Кстати, отличное гнездо у дедушки – тепло, светло, и мухи не кусают. Слушай, Бронштейн, а давай посидим, потолкуем, пока в нашем отделе царит застой, а наше руководство на совещании, – предложил Чуркин и порвал еще одну бумагу, усеянную штампами и печатями.

– Ну, если только ненадолго, – нерешительно промямлил капитан. – Чур, а что это ты рвешь с таким рвением?

– А-а, это старые жалобы и заявления. Весь сейф битком забит. Я старые входящие сюда спрятал. Никакая проверка в комнату для разбора не додумается явиться, здорово придумано, а?

Чуркин затолкал клочки в урну и примял ногой, но они упрямо выползали обратно, усеивая пол рваными заплатками.

– Здорово, Чур, здорово, а ты не боишься прокурорского надзора? – сказал Бронштейн.

– А чего бояться-то? – вполне резонно удивился Чуркин. – Я же теперь на другой службе числюсь. Кстати, надо обмыть мое назначение на должность, мы же в одном приказе с Варзаевым, Валера уже нос задрал выше крыши, как же, начальник отдела, майорская должность. Не резон ему с простыми капитанами дружбу водить. Лева, ты идешь со мной или как?

Чуркин задвинул урну под стол, закрыл сейф, шумно громыхнув металлом.

– Или как, – кивнул капитан Бронштейн, явно соглашаясь на неприличное предложение, – дед какой-то странный, на покойника похож, как будто привет с того света привез. Ну и встреча.

– Надо поднять настроение. Лева, стресс придумали для того, чтобы его снимать. И придумали его не дураки. Очень умные люди работали над этой трудной темой. Пошли, капитан, а то пойду один. Мне одному скучно. Сам знаешь.

Чуркин стоял в дверях, как часовой на посту. Бронштейн вздохнул и нехотя поплелся за Николаем, явно раздумывая, стоит ли присоединяться к товарищу по оружию. Лева слыл в отделе отчаянным служакой.

– Лева, а дежурный сказал, что тебя Валюха разыскивает, – сказал Чуркин, не оборачиваясь. Николай прятал усмешку от Левы.

– Да ты что, – вздрогнул Бронштейн, – тогда идем быстрее, а то еще нарвемся на Валентину. Не приведи господи.

– Это точно, – невесело хмыкнул Чуркин.

И оба капитана прибавили шаг, словно испугались чего-то.

Хорошо смеется тот, кто смеется последним – это известно каждому. Древний постулат еще никто не посмел свергнуть. Избитая истина, прочная, веками выверенная, но все истины незыблемы до тех пор, пока однажды какой-нибудь безумец, набравшись для храбрости, отважится выставить напоказ замшелую норму. И высмеет ее, вслух, публично. И тут все поймут в один миг, что король-то был голый. Просто раньше никто этого не замечал. И народ прозреет благодаря безумцу. У всех откроются глаза. И послышится смех – горячее и холодное оружие в одном флаконе.

На улице Якубовского кто-то смеялся, отчаянно и страшно. От душераздирающих звуков накатывала безумная тоска и ломило в ушах. Смеялась женщина, и ее смех разносился повсюду. Балтийский ветер вздымал волны хохота и поднимал ввысь, густо замешивал, там, наверху, и через некоторое время рассыпал мелкие осколки колючего смеха по всему Конногвардейскому бульвару. Смех казался острым, злым, но в нем слышалась печаль; так может смеяться лишь отчаявшаяся женщина. Женский смех сродни воздушной тревоге. Прохожие испуганно вздрагивали, зажимали уши, страдальчески морщились и жалобно хмурились, они спешили убежать подальше от проклятого места. Деревья угрожающе топорщили когтистые ветки и потрясали лысыми макушками, заметая Адмиралтейскую часть желтыми провяленными листьями. Буран из смеха и опавших листьев кружил вдоль набережной Невы. Жестокий император надменно взирал на осенний город и смеющуюся женщину со своего небесного постамента. Он не любит вмешиваться в житейские дела мелких людишек, они ему безразличны, пусть женщина насмеется досыта, а осенний ветер ей не помеха. Вдруг небо потемнело, тучи сгустились, ветер притих, смех неожиданно прекратился. Наступило затишье, временное, тягостное. Жена капитана Бронштейна насупилась, далеко протянулась продольная полоса на лбу, тонкие брови выгнулись коромыслами. При внимательном рассмотрении левая бровь была значительно эже правой. Капитан Бронштейн имел несчастье жениться на левше. Это было давно, еще в двадцатом веке, но в новом тысячелетии капитан ни разу не пожалел о совершенном поступке. Его все устраивало в этой жизни: и служба в отделе милиции в звании капитана, и жена Валя, и даже скромная милицейская зарплата. Супруги Бронштейн чрезвычайно любили покушать. Все заработанные деньги они тратили на еду. Валя вкусно готовила, она не варила, не жарила – Валентина священнодействовала. В кухне она царила, как богиня плодородия. Когда-то жена капитана работала поваром в небольшом уютном кафе. Там-то и присмотрел ее для себя капитан Бронштейн. Через окошечко увидел, разглядел родное сердце в горе грязной посуды. Валя присутствовала при производстве обыска в качестве понятой. Хозяина кафе пытались привлечь к уголовной ответственности за сокрытие доходов. Валентине сразу приглянулся симпатичный капитан. Лева без особых хлопот расположился в душе Валентины. Устроился с комфортом, как на диване. Капитану не пришлось тратиться на завоевание любимой женщины. Валентина сама сдалась на милость победителю. Без боя. Лева Бронштейн выглядел уютным и домашним, его хотелось накормить и обогреть. Суровые милицейские будни не отразились на физиономии капитана, он выглядел так, будто зашел в отдел милиции случайно, ненароком, чтобы подать заявление об угоне автомобиля или о краже

личного имущества. Выражение скорбного заявителя навеки застыло на круглощеком Левином лице, будто приклеилось к нему. Валентине полюбился образ вечного потерпевшего. Она жалела капитана, любила его всем сердцем, кормила с ложечки. Лева томно жмурился, причмокивал губами, вжимаясь капитанским телом в пышный Валин бюст, утопая в нем, как в пуховой перине. Девятый размер был его самым любимым. В отделе все знали про Левин секрет. И лишь одна Валя пребывала в младенческом неведении. Ее груди хватило бы на целый батальон. Да что там батальон, целую дивизию в полном составе устроила бы эта необъятная грудь. Свои прелести женщина выставляла напоказ. Необъятная грудь привлекала чужие взоры, вызывая ревность у Левы. Капитан гордился личным имуществом. Валентину Бронштейн считал приобретенной собственностью. Лева приравнивал жену к предметам домашнего обихода, иногда он сравнивал жену с подержанной иномаркой. Но это было чрезвычайно редко. Чаще он ставил Валентину в один ряд с медной кастрюлей. В любом варианте эти вещи принадлежали капитану, невзирая на стоимость, марку и поношенный бренд. Семейная идиллия, ровная, круглая, как румяный пасхальный блин, заканчивалась ровно пятнадцатого числа каждого месяца. Милицейское жалованье в этот день окончательно истаивало, как мартовский снег. Сытый очаг переходил на военное положение. Вместо густых щей и наваристого борща на столе появлялись тощие сосиски, облепленные сухим рисом. Кухня напоминала минное поле в прифронтовой полосе. Тучи сгущались, война приближалась. Уже вовсю громыхали в отдалении грозовые раскаты. На мягком и безмятежном Валином лбу залегала продольная морщина. Неравномерные брови ездили в разные стороны, будто пытались найти выход из создавшегося положения. Брови выбирали стратегию ведения военных действий. Левая, узкая, – грозно топорщилась. Правая, широкая, – уползала вбок. Внутри Валиной груди негромко бурлил просыпавшийся вулкан, и при первых же звуках просыпающейся артиллерийской канонады Лева срочно увиливал на службу. В трусливую спину капитана сыпались беспорядочные выстрелы: грозно бренчали пустые кастрюли, говорливо звенели вилки, бестолково путались в домашних пересудах ложки. Валентина становилась заметно опасной, казалось, разъяренная женщина сконцентрировала в себе весь ядерный запас планеты. Отдел милиции в полном составе грудью вставал на защиту Левы. Дежурная часть, обслуживающий персонал отдела, участковые, опера и сержанты во главе с начальником прикрывали Леву, спасая его от Валиного гнева. Коллеги любили Леву, они без него жить не могли, скучали, если он уезжал в командировку. Когда-то Лева учился в музыкальной школе. Родители прочили сыну карьеру музыканта. Скрипочка. Шахматы. Что-нибудь да пригодится в трудной жизни. Но судьба распорядилась иначе. Она вынесла свой суровый приговор и забрила Левин широкий лоб в милицию. Он и глазом не успел моргнуть. Сначала трудно было. А потом привык. И ничего. Служба пошла.

Валентина молча стояла перед закрытой дверью отдела. Решетчатое окошечко настороженно наблюдало за ней. Старинное здание околоточного участка, специально построенное для полицейских нужд еще в девятнадцатом веке, выдержало пять революций, одну блокаду и три карточные системы. Ему все было нипочем, но перед напористой Валей видавшее виды здание явно трусило. Женщина изо всей силы пнула ногой металлическую дверь, дом нервно содрогнулся. Где-то в глубине раздался тоскливый плач сотрудников. Они тоже трусили. Но капитан ничего не слышал, вероломный Бронштейн давно покинул административное здание, ведь до зарплаты было далеко.

– Ох, Лева, – трагическим шепотом проревела Валентина.

Женщина больше не смеялась. Обидно до слез. В груди жжет. Внутри бушует пожар. Валентине было не до смеха, у нее муж сбежал из семейного очага. Все трещало, но горели не дрова и не уголь, это трещала по швам Валина любовь. Трусливое здание затаилось. Оно хранило таинственное молчание, загадочно пришипившись. Валя тоже задумалась. Она потрясла высоко поднятой ногой, опустила ее, дом не виноват, нечего колотиться. Валентина часто задышала. Аппетитная грудь заметно заволновалась. Супруга капитана неожиданно успокоилась. А

что ей еще оставалось делать? Можно, разумеется, выдвигать ультиматумы, ноты, бойкоты, но перед кем выпячиваться? Не перед кем. Закрытая дверь безмолвствовала. На крылечке появились какие-то люди. Валя оглянулась. Мелкие, совсем не люди, людишки, испуганные какие-то, нервные, забитые. Наверное, хотят получить паспорт взамен украденного или утраченного, мечтают пожаловаться на мздоимцев и грабителей, воров и соседей, на начальство. Да пустая трата времени эти жалобы. Толкотня и воркотня, суета сует. Настоящие потерпевшие на околоточное крылечко уже не придут. Настоящие потерпевшие потерпели по-крупному. Прямиком отправились на тот свет. Ушли за правдой, говорят, там ее много. Может, кто-нибудь и найдет. А здесь, на крыльце, ее нет. Здесь ничего нет. Даже капитана Левы. Валя презрительно хмыкнула. Внутренний голос подсказал ей, что Бронштейна нет в отделе. Капитан бросился в бега, он скрывается в засаде или прячется в кустах, прикрываясь оперативным заданием. Пропал ни за грош в бессрочной командировке.

В Валином шепоте было нечто страдальческое, любовное, прощенческое, грозные ноты заметно поутихли, плавно перейдя в минор. Дверь жалобно заскрипела на ржавых петлях, будто почувствовала изменение. На улицу Якубовского осторожно выглянул востроносенький дежурный. Опасливо покосился на грудь Валентины, будто это была не женская грудь, а снаряд тяжелой артиллерии, помешкал, помялся, но справился с внутренним дискомфортом.

– Валентина, иди уже домой, иди по-хорошему, Левы все равно нету. Он, наверное, в засаде сидит. Уже третьи сутки. Может, внедряется в какую-нибудь банду. Ой! Ой-ой…

– Уйди ты, – прошипела Валентина, – хлюст. Пиявка.

Дежурный испуганно юркнул за дверь. Зловеще громыхнула щеколда. Посетители зябко поежились. Наверное, поняли, что никаких паспортов они не получат. Потрясая квитанциями об уплате административных штрафов, жалобщики и просители впились яростными взорами в пышную грудь налетчицы. В эту минуту злополучная грудь являлась источником всех их бед и несчастий. Валентина сердито отмахнулась от настойчивых взглядов. Жена капитана не опускалась до склок и скандалов с посетителями, она органически не переносила интриганов. Валя любила одного капитана Леву, всей душой любила, включая остальные части тела. И любящая женщина помчалась вдоль улицы Якубовского, помахивая юбкой, как флагом. И повсюду ей мерещился пропавший без вести капитан Бронштейн. Но она недолго будет отсутствовать на крыльце, новые обстоятельства вновь вернут женщину на старое крыльцо. Валентина вскоре вернется, обязательно, с благородной целью и милосердными побуждениями.

* * *

Долго молчали. Потом выпили. Сделали перерыв. Еще выпили. Немного подумали – добавили.

– Эх, что за жизнь? – тоскливо произнес капитан Бронштейн.

– Нормальная жизнь, Лева, нормальная, жизнь как жизнь, чо жаловаться-то, – сказал опер Чуркин.

Николай Чуркин – у Коли хорошая фамилия, русская, знатная. Когда-то Коля ужасно гордился своей фамилией, ведь его родной дед работал в ГУВД, когда управление находилось на Дворцовой площади. В то время на посту находился всего один дежурный, а в дежурной части стояло два телефонных аппарата. Дед рассказывал, бывали такие дежурства, когда за ночь не поступало ни одного звонка. Любимый город спал спокойно, видел отличные сны, будущее видел, и оно было не за горами. А сейчас ничего не видит город, ни снов, ни будущего. Так старый солдат думал вслух, и при этом он расстраивал чувствительного Чуркина. Чтобы не расстраиваться, Коля научился прятаться от разговоров, от людей и сослуживцев. Он нашел себе тихий омут. Чуркин часто пропадал в нем, но одному было тоскливо тонуть. И Коля прихватил с собой капитана Бронштейна, в любом омуте вдвоем веселее. А Лева хотел

спрятаться от жены. До получки еще пять дней осталось. Пусть неугомонная Валя побегает по району в поисках любимого мужа. Любовь проверок требует, контроля. На работе проверки замучили. Сейф вытрясли, с ног на голову поставили, все ящики перерыли в поисках просроченных материалов. А в омуте хорошо, тепло, есть выпивка и закуска. На столе сиротливо притулилась бутылка с прозрачной жидкостью, в бумажных тарелочках уютно светятся розовые ломтики докторской колбасы, как китайские фонарики, такие же жгучие и опасные.

– С Валюхой поругался, что ли? – сказал Николай после продолжительного молчания.

В любом омуте хорошо пить и молчать. Молчать и пить. И так до бесконечности. В процессе паузы Чуркин не дремал, не сидел без дела. Николай употребил стопку с прозрачной жидкостью и зажмурился так, будто выпил соляную кислоту, разъедающую внутренности, вытер губы тыльной стороной ладони, съел два розовых ломтика. И все тридцать три удовольствия зael ржаным хлебом, получив тридцать четвертое.

– А чего с ней ругаться-то? – резонно спросил Лева. – Валюха как Валюха. Денег требует. Прямо за глотку берет.

– Все бабы такие, чуть что, сразу денег давай, где хочешь возьми, но дай, – с готовностью подтвердил Николай. – И моя меня за глотку берет. Хватка, как у голодной тигрицы. Двадцатого числа тут тебе и любовь, и поцелуи, и постель, и царский ужин при свечах, и даже «конины» выкатит, ничего не пожалеет. Добрая такая, милосердная. А с десятого и не подойди к ней, рыло воротит. Не нравится мне такая любовь. По двадцатым числам.

И Чуркин осуждающе причмокнул, заодно вытаскивая из треснувшего зуба кусок докторской колбасы, неудачно застрявшей в рваном дупле.

– Коль, ты это, вот, ты генералом хочешь стать? – спросил Лева после напряженного обдумывания сложной житейской формулы.

Капитан ловко увильнул в сторону от наболевшей проблемы. Лева активно не любил обсуждать женский вопрос. Чуркин вспыхнул ярким факелом. Капитан открыл рот от удивления. Горящий факел высветил скрытое желание. Розовые колбасные ломтики прелестно оттеняли нежный Колин румянец. Чуркин стремился стать генералом. Лева довольно крякнул. Капитан достиг желаемого результата. Он пробил стержень самолюбия у коллеги. Приятели надолго умолкли. Говорить стало не о чем. И так все ясно. В тишине слышалась весенняя капель. Видимо, протекал кран в кухне. И вдруг тишину взорвал звонок. Телефонный аппарат задребезжал, будто его подключили к электрической сети. Пытка такая есть – подключение к сети. И медленное повышение электрического напряжения. Капитаны сделали вид, что не слышат пронзительного дребезга. Они угрюмо пересчитывали капли. Одна. Вторая. Третья. Четвертая задумалась. Наконец тоже булькнула. Пятая. Шестая. Седьмая замерла. Все. Поток иссяк. Чуркин не выдержал. Бронштейн оставался непроницаемым. Николай снял трубку. И поморщился. Все дребезги сконцентрировались в трубке, она сотрясалась в руке, разрываясь на части от злости и напряжения, зато аппарат притих, сразу стал смирным и послушным.

– Да, Чуркин – я, Чуркин. А это кто? Ой, Дмитрий Валерьевич? Это вы, как ваши дела? – последний вопрос Чуркин произнес умильным тоном, даже облизнулся, зато капитан Бронштейн напрягся. Лева яростно замахал руками, дескать, нет меня в этом чертовом омуте. Нет и никогда не было, и не ищите, потому что не найдете. Весь вышел капитан Бронштейн.

– Не-а, нет здесь Левы. Не знаю, где он, – пробормотал Чуркин, беспомощно оглядываясь вокруг, будто пытаясь отыскать капитана, но нигде не было видно ни Левы, ни каких-либо других следов пребывания пропавшего в тайном месте, – может, в командировке где-нибудь. Как это в какой, в разработке, например.

– Какая еще разработка, на хрен? – из разъяренной трубки понесся в разгон наэлектризованный голос. – Лева булькнул, знаешь когда?

– Когда? – меланхолично спросил Чуркин, подмигивая Леве.

Ответа Николай не дождался, из трубки понеслись пиликающие звуки, будто кто-то неведомый вдруг решил поиграть на скрипке.

– Начальник тебя ищет, Лева, – сказал Чуркин и виновато взглянул на Бронштейна, – сейчас сюда примчится. Ну не сейчас. Часа через три. Валить бы тебе надо. Валюха твоя достала весь отдел. Говорит, потерпевших и заявителей нецензурной бранью обложила. Они уже жалобы пишут начальнику главка. И обещали прокурору пожаловаться.

– А-а-а, пусть жалуются, до кучи, – хмуро отозвался капитан.

Лева даже не шелохнулся. Через несколько минут раздался очередной дребезжащий звонок, на сей раз от трезвона сотрясалась входная дверь. Напарники насторожились. Начальник отдела имеет обыкновение проверять явочные квартиры, редко, но имеет. Контроль за подчиненными входит в его обязанности. Руководитель все-таки. К месту назначения начальник обычно добирался в течение трех часов. Сначала ждет водителя с обеда. Затем водитель едет за бензином в автохозяйство. Стоит в очереди. Травит анекдоты. В отдел возвращается через два часа. В это время начальник уезжает на обед. На патрульной машине. Водитель ждет начальника в дежурке. Когда они наконец встречаются, на улице наступает уже ранний вечер. И так всегда. Каждый день. Как по расписанию. Начальник отдела не мог прибыть так рано. По состоянию и определению. И даже по штатному расписанию.

Чуркин округлил глаза. Кто бы это мог быть? Явочная квартира предназначена для снятия стресса у сотрудников. Для укрытия от семейных невзгод и прокурорских проверок. Для истребления служебного времени. Для принятия на грудь прозрачного зелья. Да мало ли для каких хороших и полезных целей можно приспособить приличную явочную квартиру.

– Кто это? – сказал Бронштейн.

– А я знаю? – вопросом на вопрос ответил Чуркин.

– А кто еще должен знать? Папа римский? Ты же шеф над хатой. Может, хозяин квартиры заявился? – сказал Лева.

– Не-а, хозяин на даче. Уехал в Синявино. На всю зиму. Он же наш. Пенсионер. Ты же видел деда у меня. Старый такой, дряхлый. Песок сыплется со всех мест разом. Жа-а-адный. А свою хату нам почти задарма сдал. Дескать, свои люди, а за общую идею ничего не жалко, даже личного имущества, – Чуркин покрутил пальцем у лба.

– Барабашки колотятся? – сказал Лева.

– Всяко может быть, – уклонился Чуркин.

Звон прекратился. В дверь забарабанили.

– Что делать будем, Лева? – скривился Николай.

В отделе все и всегда спрашивали совета у Левы. По каждому поводу. По разным вопросам. И ни разу Бронштейн никого не подвел. Его консультации подходили к любому месту и в любой ситуации. Они крепко вживались в действительность, ломали привычные каноны, устанавливали новые правила. И Лева никогда не брал деньги за свои рекомендации. Хотя мог бы. Запросто.

– А ничего, ничего делать не будем, – сказал капитан Бронштейн тихим и равнодушным голосом. – Сейчас дверь откроем. Посмотрим, кто в гости пожаловал. Как-никак, квартира у нас явочная. Пусть являются.

И друзья трусцой заспешили к выходу. Стены трепеща потрескивали, угрожая погрести под обломками двух вполне здоровых и адекватных капитанов. Лева прислонился к двери и посмотрел в замочную скважину. Темно, ничего не видно. И никого не слышно.

– Кто? – сказал Лева, не разгибаясь.

– Конь в макинтоше, – грубо заржали на площадке.

И не понять было, кто говорит за дверью, то ли люди, то ли кони. Лева вытащил ствол из-за пазухи, хоть патронов в стволе и не было, давно закончились патроны. Чуркин виновато поморщился, дескать, тоже безоружный, табельный ствол в оружейке. А что взять с без-

оружного, а нечего взять, он сам является объектом преступного посягательства, беззащитный потому что. Лева передернул затвор ради звучности и открыл дверь. Капитан посторонился, а Чуркин прилип к стене. Мимо пролетели тени. Одна. Две. Три. Четвертая застыла.

Один чудак долго изучал свойства битума. Он разогревал его и ждал, когда на свет появится капля. На свете есть много чудаков, несть им числа. И никогда они не переведутся, как вши или другие вредные насекомые, одних истребят, на их место прибудут следующие паразиты. Странный эксперимент с битумом растянулся на восемь лет. Чудак терпеливо ждал. На девятом году разогретый битум разродился небольшой, но жирной и тягучей каплей. Четвертый номер так ничем и не капнул, он остался торчать на площадке застывшей тенью. Лева закрыл дверь. Раздался хлопок, выстрелил кто-то. Грозно клацнула щеколда. Вбежавшая троица резко развернулась, сплотилась, слилась в сплошную массу, тенью нависнув над друзьями. Чуркин вжался в стену, спиной просверливая в ней отверстие. Непроницаемый Лева прищурился. За спиной никого не было. Дверь надежно прикрывала от опасности. Тени бесшумно сдвинулись с места. Нечем стало дышать, весь воздух будто выкачали.

– О чем базар, братва? – сказал Лева.

Чуркин вылез из своего отверстия в стене, огляделся, отряхнулся, как мокрый пес.

– Брателло, не пудри нам мозги, – ласково произнесла одна тень, – лучше ты сам скажи, о чем тут базар?

– Давай знакомиться, – в тон тени, так же ласково и напевно, сказал Лева. – А вы кто такие будете, откуда? – И Бронштейн грозно помахал «макаровым». Сразу запахло паленым. Три тени медленно трансформировались в живых людей – квадратные челюсти, бритые затылки, густая щетина. Вот и все имущество, на троих, поровну, ничего свежего. Осенний шансон на прогулке.

– Дедок здесь один проживает, хату нам продал. Получил задаток сполна. Бабок нам должен. Вот расписка у нас имеется, – бритая личность шагнула навстречу обстоятельствам. «Макаров» молнией вылетел вперед. Бритый испуганно попятился, слегка пошатнулся. – Ну-ну, ты не балуй, мы тоже можем, – обиженно пробормотал выдвиженец.

– Дык, и нам тоже должен, и нам продал, – радостно сообщил Лева, он с силой выдохнул скопившийся в груди спертый воздух, – вот сидим, ждем, когда он появится. Засада тут у нас.

– А где расписка? – подозрительно покосился бритый.

– А нет у нас расписки. Мы – на доверии работаем. Мы деду деньги, а он нам хату, такой вот расклад. А вам тоже обещал?

– Да, мы ему бабки, а он нам хату, – просипел бритый.

Двое за его спиной нервно вздрогнули. Чуркин осмелел. Вылез на середину, даже отвел в сторону нахально выпяченный ствол «макарова». Николай сообразил, что Бронштейн придумал гениальный ход. Лева прикинулся потерпевшим, будто пострадал от мошенника-деда. Видимо, дед-пенсионер уже продал квартиру браткам, получил деньги и все потратил на пенсионерские нужды. Потом сдрейфил, зачудил, бросился за помощью в милицию, а куда ему еще бежать за помощью? Быстренько оформил квартиру как явочную и спрятался в Синявине. Там сейчас пусто, вряд ли кого найдешь. Чуркин уставился на «гостей». Все трое как из одного детдома. Даже одежда из одного магазина. Недавно брали магазин, видимо, не одежда – чистый хлопок. И чистый разбой, не мокрый.

– Как хату делить будем? – сказал бритый.

И Николай Чуркин невольно вздрогнул. Предлагалось разделить продажного деда на части, мелкие и ничтожные.

– Договоримся, – туманно пообещал Лева.

«Макаров» спрятался, будто его и не было. Плотная атмосфера разрядилась. Все потоптались на месте, не зная, что делать дальше. Лева почувствовал движение в воздухе, пошевелил ноздрями, потряс руками.

– А перекусить? – сказал Бронштейн. Троица нервно взглянула на дверь. На площадке оставался еще один «битум». – Подождет. Кто не успел, тот опоздал.

И Лева шагнул в комнату, увлекая за собой взбудораженную компанию. Два ломтика докторской, да на дне бутылки остатки прозрачной пахучей жидкости. Не густо. Но Чуркин не растерялся. Хозяйственный парень быстро сбегал на кухню, вернулся с газетным свертком.

– Чур, у тебя здесь зимовка, что ли? – сказал Лева, широким жестом приглашая незваных гостей к столу. Битумы замешкались, потоптались, будто тяжеловозы, разглядывая скудную снедь на столе.

– Зимовка – не зимовка, а с голоду не дам себе засохнуть, – самодовольно выпалил Чуркин. Николай развернул сверток и ловко кинул на стол шмат сала, густо обсыпанный серой и крупной солью, три головастые луковицы, буханку черного круглого хлеба. Три горла булькнули одновременно. Аппетитная слюна вольной струей облила братские внутренности. Лева хмыкнул. Он не любил сало. Разумеется, капитан мог съесть небольшой кусочек, чтобы утолить голод, но не так чтобы уж очень предпочитал этот всенародно любимый деликатес сомнительного происхождения. Лева из всех чудес света предпочитал здоровую и вкусную пищу. Из-за пазухи Чуркин вытащил шкалик со спиртом. Глаза гостей маслянисто блеснули из-под нависших бровей. Квадратные челюсти дрогнули, щетина на лицах вздыбилась, как в кино, видимо, голод – не тетка.

– Вот и славно, – сказал Лева, – сейчас посидим, покумекаем. А деда мы накажем. Обязательно. Очень плохой дедушка, нехороший.

В глубине души капитан Бронштейн веселился. Скупой дед всех подвел под монастырь. Своих подставил. И чужих наказал. Братья нахохлились и нацелились угрюмыми взглядами на сало. Все ждали команды сверху. А Чуркин медлил. Николай медленно отвинтил крышку со шкалика, разлил по бумажным стопкам. Не торопясь, нарезал хлеб, принялся за сало. Слюна совершала бешеный круговорот одновременно в трех руслах. Лева равнодушно взирал на ощетиненные квадраты, на колченогий стол, на Колины неторопливые руки. Капитаны мыслили по-разному, каждый думал о своем. Одна капитанская мысль судорожно билась в паутине экстремальной ситуации, будто майская взбесившаяся муха. Хата накрылась. Дед сдал своих бандитам. Обещал нагрянуть с проверкой начальник отдела. Явно намечалась перестрелка. Следом за начальником обещала прикатить жена капитана. Если Валентина прибудет в срок, тогда в квартире случится бойня. Четверо братьев только что вышли из тайги – наколки, щетина, новые шмотки. С такими коловоротами лучше не сталкиваться в темном переулке. Сниться по ночам будут. Хэллоуин можно отменять, не наш это праздник. Нас не испугаешь чужими призраками. Тут своих страшилок хватает.

А Лева вообще ни о чем не думал. Капитанские мысли совершали плавную круговерть. Капитан лениво потянулся за салом, зацепил по дороге стопку, прихватив одним пальцем бумажный край. Спирт откликнулся резким запахом. Лева мигнул правым глазом и медленно выцедил жидкость. Ему хотелось сплюнуть от отвращения. Компания неподходящая, в такой компании можно заворот кишок получить вместо желанного удовольствия. Мысли плутали в паутинном лабиринте, пытаясь найти выход. Выхода не было. В ближайшие два часа перед глазами маячил тупик. Братва явилась раньше срока. Может, дед их натравил? Тогда братки явились по заказу. Лева вяло прислушался. Чуркин, коверкая ударения, неумело рассказывал неумный и несмешной анекдот. Лева молча жевал, не втягиваясь в беседу.

– Один брат пришел в швейцарский банк и говорит, дескать, хочу положить деньги на счет. Его спрашивают, мол, а сколько? Брателло шепотом отвечает, ну, там, миллион, и при этом жутко стыдится, краснеет, вспотел весь. А ему говорят, да вы не стесняйтесь так сильно, у нас бедность не считается пороком.

В тишине послышалось напряженное чавканье. Чуркин смущенно хихикнул и затих. Лева закусил губу. Пусть Чуркин травит байки. Сейчас не до него. Секунды наматывают срок.

Как бы Валентина не нагрянула. До Валюхиного налета надо успеть справиться с ситуацией. Нельзя раздражать женщин по пустякам.

– Выпить бы, – мечтательно произнес Лева и со значением посмотрел на Чуркина.

Николай вытаращил глаза. Бронштейн обладал лишь одним пороком. Лева чрезвычайно любил покушать. Выпивка – не по части капитана Бронштейна. Многозначительный взгляд хитроумного напарника требовал свежего решения. Чуркин задумался. Мысли двух капитанов бегали друг от друга, как тараканы, досыта наевшиеся свежей отравы. Они не сталкивались, не натыкались одна на другую и даже не соприкасались. Шли параллельно, слегка вкось.

– Так за чем же дело стало? – сказал один из братьев, втыкая нос в стопку, как штепсель в розетку.

Чуркин потер большим пальцем переносицу. Нос – очень задумчивое место. Оно виновато во всех смертных грехах. Самое виноватое место на человеческом теле. Все теребят его, трут, мнут, комкают, когда жизнь круто поворачивается вокруг своей оси, причем делает это совершенно неожиданно для незадачливого обладателя носа.

– Позвони Вале, скажи, что выкуп нужен, – пошутил Лева.

Чуркин задумался. Слова товарища смутили Николая. И вдруг он хлопнул ладонью нос, будто хотел размазать его по физиономии.

– А-а, – вдруг сказал Чуркин, – Лева, ты, наверное, хочешь, чтобы мы тебя украли. А твоя Валюха выкупит, Валентина же не продаст тебя никому. А вот выкупить, выкупит обязательно. Так, что ли?

– Вроде того, – рассеянно сказал Лева.

– Она выкупит Леву, точно выкупит, – сообщил Чуркин гостям.

В его голосе ключом забилась радость. Лева придумал удачный ход. Гости задумчиво кивнули. Вместо старого деда на горизонте запахло бабками. И заодно какими-то бабами. Из коридора подул сильный ветер, в воздухе повеяло заманчивым ароматом. Лева протянул телефонный аппарат. Николай набрал номер. Раздались тревожные гудки. Это звонили в набат Валины беспокойные импульсы.

– Валь, а ведь твоего Леву похитили, украли его, – сказал Чуркин в наступившую тишину.

Напряженные импульсы приумолкли. Валентина переваривала информацию. В эфире послышался хруст разрываемой мыслительной оболочки. Женщина нервно вздрагивала, передавая тревогу на все радиоволны. Сотовая связь временно прекратила подачу сигналов.

– Кто, кто украл-то, где? – очнулась Валентина.

Она не просто сказала, не спросила, Валентина словно в набат забила. Явственно послышался гонг, зазвучали колокола. И братья вздрогнули. Все разом задребезжали, как по команде. Пугливые оказались. Вздрагивают при первом звуке женской тревоги.

– Кто их знает, ничего не сказали, – загадочным голосом парировал Чуркин, – а выкуп требуют. Калым, так сказать.

– Бандиты, что ли? – тугой тетивой зазвенел любящий голос Валентины.

– Какие-то отморозки держат его на Якубовской улице, – испуганно прокукарекал Чуркин.

– А сколько надо? – продолжала допрос с пристрастием заботливая супруга.

– Две штуки баксов, – сказал Чуркин и посмотрел на Леву вопросительным взором.

Лева погрозил ему кулаком. Достать две тысячи долларов – неподъемное занятие даже для любвеобильной Валентины.

– Скажи, что скоро буду, – быстро и страстно прошептала Валентина.

Николай почему-то густо покраснел. Стыдно стало мужчине, взрослую женщину разыграл, как маленькую девочку. Лева тоже побурел, но вовсе не от стыда. Капитан изнывал от смущения. Лева любил Валентину. Она жила в его сердце постоянно, как законно зарегистрированный жилец. Лева не хотел в глазах других делать из жены дурочку. Зато братья посоло-

вели, почуяв добычу. Размягченные лица ослабли, мышцы растянулись, отвисли. Щетина съехала вниз.

– А где он? – рассеянно спросила Валентина.

– Рядом с отделом, на Якубовской, – честно признался Чуркин.

И по всей комнате понеслись диким переплясом, задребезжали, заволновались короткие гудки. Еще разносился по комнате страстный женский шепот, еще не остыло горячее дыхание в телефонной трубке, а Валентина уже отправилась в дальнее плавание. Верная супруга капитана нацепила черную повязку на один глаз, повесила нарукавники с изображением черепа, на голову повязала красную бандану, на шею набросила медальон с изображением мужа. Вылитый капитан флибустьеров. Лева окончательно смутился. Он опустил глаза, чтобы не встречаться взглядом с Чуркиным. Николай расшифровал мысль капитана Бронштейна. Мысли капитанов соединились на короткое время и вновь разбежались в разные стороны. Друзья на миг поняли друг друга. Все состоялось. Королева вышла в дамки. Любовь победила коварство. И лишь братья ничего не поняли. Они прицельно уставились в коридор, будто две тысячи долларов уже перешагнули порог квартиры. И никакой козырной дамы при них не было. Братья никогда не видели Капитана флибустьеров живьем. И не имели понятия, что он собой представляет. Свастика из черепа и костей никогда не плясала перед насупленными взглядами. И красная бандана не мелькала перед глазами. Братья не имели чести быть представленными супруге капитана Бронштейна. До сих пор они не были даже знакомы. Бронштейн с Чуркиным почти не дышали, боясь разрушить единение мысли. Они лишь незаметно переглянулись. И застыли, как истуканы, зацепив друг друга пристальными взглядами. Пока Валентина рыщет по городу в поисках выкупа, можно сыграть еще в одну игру. Городки там какие-нибудь, нарды, лапту. На выбор. Два на три. Двое против троих. Два и три. Три плюс два. Колоссальный набор вариантов. Кому что нравится. Сало катастрофически убывало. Засаленная тарелочка усыхала, заворачиваясь в трубочку. Хлеб съеживался в размерах. Шкалик безнадежно опустел. Время пересыпалось сухими песчинками. Щелк. Щелк. Щелк. Варзаев уже на подходе. Валерий Дмитриевич Варзаев – начальник отдела. Он уже майор. А Валентина – капитан флибустьеров. Целых три капитана получилось. Одного нужно вывести из игры. Чуркин вновь набрал номер.

– Валюх, а ты у Валеры одолжи, – вежливо подсказал Николай.

Чуркин все рассчитал, он славился железной логикой. Коля – знаток женской психологии, большой дока по этой части. После его слов Валентина истребителем налетит на Варзаева и потребует выкупа. А для какой цели ей понадобились деньги – объяснять не станет. Вот такая она – Валентина-краса, русая коса. Настоящая женщина, боевая жена мирного капитана.

* * *

Валентина была уже далеко. Корабль вышел в открытое море. Капитан флибустьеров на всех парусах вприпрыжку мчался по улицам города. Валентиной овладел охотничий азарт. В экстремальные минуты жизни эта простая женщина могла повернуть земной шар вокруг своей оси. Без точки опоры. Во всклокоченной голове судорожно бесились разные мысли. Они носились по черепной коробке, нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что хозяйка чрезмерно возбуждена. Вместо того чтобы придать беспокойной обладательнице хотя бы небольшую степень солидности, чинности и степенности, взбудораженные мысли кувыркались и игриво подпрыгивали. Валентина бурно вздрагивала и громко всхлипывала, но шаг не придерживала, наоборот, прибавляла градусы и в широту и в долготу при пересечении земного пространства. Но ничего определенного в голове не было. Нужно срочно достать две тысячи долларов. А в доме нет ни копейки. Ни единой. До Левиной зарплаты целых пять дней. Но Валю ничуть не смущало это чрезвычайное обстоятельство. У нее появилась цель. До получения известия о похищении Левы Валентина пыталась выловить мужа, чтобы вытрясти из него

заначку, но не нашла Леву, не успела. Родного мужа похитили бандиты, прямо из-под носа увели. Они требуют выкуп. Это нечестно, более того, подло. То, что Леву похитили именно бандиты, Валентина нисколько не сомневалась. Муж работает с уголовниками и разной другой сволочью, ему могут мстить бывшие арестанты и осужденные. Да мало ли плохих людей водится на этом свете, всех не пересчитаешь. Подлецов много на земле. Но друзей у Левы больше, их тоже много. Очень много. Они обязательно выручат капитана. Друзья дадут необходимую сумму. Они принесут деньги в портфеле с золотым замочком. И ключик от замочка вручат похитителям прямо в руки. И Лева выйдет на свободу. И тогда…

Валентина даже зажмурилась от восторга. Перед глазами выросла груда жареных цыплят, политых янтарным соком, со свежим томатным соусом домашнего приготовления, фарфоровое блюдо с пирогами, начиненными куриным паштетом и грибами, щи с огненной приправой, салат, горкой возвышающийся над хлебосольной скатертью. Раскрасневшийся Лева уминает румяного цыпленка, третьего подряд, ест заманчиво, с аппетитом, почти без передышки, щелкает, хрумкает… Хорошо, душевно, по-семейному. Валентина потрясла взбесившейся головой, укладывая разыгравшиеся мысли в один ряд, и далеко вперед выкинула левую ногу. Все, что делала Валентина в этой жизни, она делала с левой стороны, потому что родилась левшой. Она даже спала на левом пухлом боку. И каждый день вставала с левой ноги. Даже картошку чистила левой рукой, и ею же ощипывала деревенских цыплят. Лева предпочитал питаться лишь парным мясом, пока в доме водились хоть какие-то деньги. Беспокойные мысли жены тяжело и безнадежно ворочались в поисках выхода, веселой стайкой они гнездились в левой стороне Валиной головы. Она даже слегка кренилась на левый бок, как огромная баржа с пробитым дном. Но сейчас Вале было не до левой жизни. Жена капитана подобно птице стремительно летела по направлению к цели. Отдел милиции всем изумленным коллективом еще издалека заметил движущуюся мишень. И здание слегка осело набок. Тоже на левую сторону. Варзаев мышью прошмыгнул в кабинет и заперся на ключ, дежурный офицер приготовился к длительной осаде, а Валентина принялась безжалостно крушить старинное здание полицейского участка.

– Валентина, начальник уехал по постам, – громыхнул в громкоговоритель голос дежурного майора, – не стучи, всех граждан распугаешь. И так от тебя покоя нет. Ни днем, ни ночью.

– Майор, а ведь у меня Леву украли, – жалобно всхлипнула Валентина.

– Никуда Лева не денется. Ну, скажи, кому нужен твой ненаглядный муженек? Если взяли капитана, то ненадолго, скоро вернут, посылкой отправят обратно, да еще ленточкой перевяжут, с доставкой на дом, – засмеялся офицер, не скрывая изрядной доли ехидства, и радиохрипы исчезли.

Иронический громкоговоритель отдал концы, отключив связь. Чеканно прогремел металлический засов. Отдел предпринимал меры экстренного укрепления. Валентина огляделась, поправила юбку и уселась на ступени крыльца, прямая, упрямая, она уставилась настойчивым взглядом в кирпичную глухую стену. Варзаев осторожно, крадучись, выглянул в окно. Увидев Валин напряженный затылок, широкий подол юбки, раскинувшийся пышным веером по проезжей части, Дмитрий Валерьевич невольно вздрогнул. Личная жизнь капитана Бронштейна тесным образом переплелась с делами служебными. И не найти точки соприкосновения, не различить даже под микроскопом, – так все крепко въелось в плотную жизненную ткань. Жизнь превратилась в службу, а служба в жизнь. Варзаев загрустил – надо докладывать в главк. Семейный инцидент вышел за рамки полномочий маленького территориального отдела. Телефонный аппарат крутился перед глазами, как жирная осенняя муха, ворочаясь из стороны в сторону, напоминая о своем бесхитростном существовании. Дмитрий Валерьевич старательно отводил сумрачный взор от блестящего лакового бока черного чудовища. Диск, по-змеиному изворачиваясь, подползал к пальцам. Цифры смело выпрыгивали из аппарата и бойко приплясывали на столе, собираясь в знакомый до боли в сердце номер телефона. Варзаев

набрал воздух в легкие, заталкивая его в себя тугими комками, и дунул на стол, лихие цифры мгновенно попрятались в диск. Пухлый палец привычно вошел в отверстие. Но Дмитрий Валерьевич набрал другую комбинацию. Он звонил не в главк, а Бронштейну, на звонок никто не откликнулся. Гудок уходил в пустоту, полный вакуум. Какой-то космический покой. Все сошлось. Украли, Леву похитили. На пару с Чуркиным. Два капитана находятся в руках бандитов. Валентина врать не станет. Жена капитана слыла в определенных кругах прямодушной и честной женщиной. Варзаев тупо слушал выворачивающие душу пронзительные гудки, прижимая к левому уху телефонную трубку, не выдержав ожидания, Дмитрий Валерьевич нажал кнопку прямой связи.

– Открывай дверь. Зови Валентину. Только это, – Варзаев кисло поморщился, – разговаривай с ней вежливо, по-человечески, что ли.

– Слушаюсь, – вздохнул дежурный.

Приказ начальника – закон для подчиненного. Дежурный майор в тайниках простой и незамысловатой души прятал нехорошее чувство. Внутри майора скрывалась зависть, он завидовал Леве Бронштейну. Редко кому выпадает такая удача. Любящая и нежная жена, хорошее питание, отличный уход – где в наше время отыщешь подобное счастье. Майор вспомнил собственный заброшенный дом, пыль и паутину в углах, неряху-жену и икнул от нахлынувшей горечи. Ядовитая желчь забила небо. Консервы на ужин, сгущенка вместо варенья, тухлые сардельки, не теплое мясное рагу. Не соскучишься от веселой семейной жизни. И майор, отстранив помощника, решительным шагом направился к входной двери. Он легко и весело отодвинул тяжелый засов, распахнул дверь и сказал, разбавляя голос доброй порцией майского меда: «Вставай, Валентина, простудишься. На дворе осень. Камень уже холодный».

Валентина медленно повернула встрепанную голову. И дежурный зажмурился. Из мутных опечаленных глаз шумно хлестала мощная струя какой-то бездонной, всепоглощающей любви. И майор затосковал, купаясь в светлых водах чужого чувства. Случись с ним что-нибудь, не дай бог, кто будет так убиваться и горевать о бедном майоре? На свой вопрос дежурный не смог найти ответа. Он поежился, зябко дернул плечом, стряхивая с себя кусочек неизведанного счастья, будто это была какая-то грязь.

– Вставай, Валя, начальник зовет, – сердито повторил майор, – раз Леву твоего похитили – пиши заявление. А я вызову дежурного прокурора.

И офицер отошел в сторону, предлагая Валентине пройти в суровое здание, но женщина испуганно отпрянула от него, слова дежурного пробудили в ней страх и тревогу. Прокурором стращают, нарочно пугают, чтобы не скандалила. Да не надо моему Леве никакого прокурора. Валентина с трудом выдавила из себя беспокойство и усмехнулась майору прямо в лицо, презрительно скривив губы и гневно расширив ноздри. В стратегические планы Валентины не входило стремление узаконить процесс похищения мужа. Она не хотела фиксировать в анналах истории злополучный факт, пребывая в уверенности, что в отделе еще ничего не знают о похищении капитана. Лучше решить вопрос полюбовно, по-семейному. Только что ей звонил Чуркин, она слышала его голос, разговаривала с ним. Не надо никакого заявления. Никому не надо. Лучше без него обойтись. Лева не любит прокурора. С детства. А прокурор не любит Леву.

– Проходи, проходи, Валя, не бойся, у нас никто тут не кусается, – ласково увещевал майор, подавляя в душе вспыхнувшее чувство зависти к удачливому Леве.

– А Чуркина у вас нет? – спросила Валентина, подозрительно всматриваясь в темноту коридора, будто неверный напарник легко мог спрятаться от нее в тихом и безопасном отделе.

Может, прячется где-нибудь, шутник и весельчак. Вдруг разыграл, пошутил и спрятался во мраке. Такое иногда случается с мужчинами.

– Его тоже украли, – бесхитростно откликнулся майор, – вместе с Левой. Я видел, как они на пару булькнули из отдела. Бандиты, наверное.

– А он и вам звонил? – сказала Валентина, медленно отступая от улыбчивого офицера.

– Нет, не звонил, – сказал дежурный, – я сам догадался.

Майор улыбнулся. Эта смешная женщина Чуркиным интересуется. Нелепая, чудная, с такой даже на улицу не выйдешь. На людях с ней стыдно показаться. Народ засмеет. Пальцами будут показывать. И что особенного Лева нашел в Валентине? У майора дома была совершенно иная собственность, рядом с ним проживала яркая женщина, заметная. Статная, стройная, красивая, но жуткая неряха и грязнуля. Зато с ней не зазорно по городу пройтись. Все мужики оглядываются. Так глазами и пожирают. Круп у майорши что надо – гладкий, пышный, утром хлопнешь, хорошо. Потому что от души хлопнешь. Вечером придешь, а круп еще колышется. Хлопай, сколько душе угодно, хоть все руки отбей. Валентина вдруг вспыхнула ярким пламенем. Чуркин не обманул, не разыграл. Николай сказал правду. Валентина интуитивно прочитала потаенные мысли дежурного майора. Широко взмахнув широкой юбкой, жена капитана резко развернулась и стремглав полетела, стремясь быстрее покинуть неприютные места. Майор уныло смотрел на разъяренную спину женщины. Варзаев непременно огорчится. Рассердится. Такую добычу упустили. Прямо из рук ушла. Вылетела. Никак не поймать удачу за хвост, не удержать в зубах птицу счастья. И премию теперь не дадут. Майор приуныл. Наверное, начальник уже прокурору позвонил. И в главк доложил. Ну, не бежать же следом, не хватать вредную женщину за юбку, народ засмеет. Дежурный вернулся в тесную каморку и нажал на кнопку громкой связи.

– Дмитрий Валерьевич, а она убежала, – тонко хихикнул майор.

– Вот и ладно, вот и хорошо, что убежала, – несказанно обрадовался Варзаев, – и пусть убегает. Подождем до завтра.

– А прокурору позвонили? – сказал майор.

– Подождем до завтра, – загадочно прогудел Варзаев, – утро вечера мудренее.

И Дмитрий Валерьевич отпустил кнопку. Офицер сердито бросил мертвый брусок в ячейку.

– Закрой дверь! – крикнул он кому-то, устраиваясь удобнее в своей каморке.

Заспанный помощник выглянул из подсобки, недовольно посмотрел на майора и поплелся к выходу. Засов глухо застучал по металлу, разделяя мир на две неравные части.

* * *

Вместе с Валентиной по улицам города летел страх. Он прочно поселился в женской душе, видимо, основался в ней надолго. Нужно было прогнать его, но страх шумно свистел огромными нелепыми крыльями, подгоняя Валентину, но она и без того стремилась убежать подальше от улицы Якубовской. Валентина не хотела, чтобы Левино похищение было официально зарегистрировано. Женщина не смогла бы объяснить вразумительно, почему она этого не хочет, никому, даже самой себе. Лева был бы против. Она знала, чувствовала это. Валентина вдруг резко остановилась, будто споткнулась обо что-то. Возбужденное тело задрожало и застыло лишь через некоторое время, застопорив ход. Перед Валей широко раскинулось двухэтажное здание. Двадцать три окна. Пять подъездов. Одна арка. В этом доме имел несчастье проживать Валин отец – старый холостяк и запойный пьяница, но прижимистый мужик. Валентина имела все основания предполагать, что у отца под матрацем припрятаны кой-какие сбережения. Иван Лукьянович никого не допускал на прикроватную территорию. Несмотря на пагубное пристрастие, Иван Лукьянович дорожил каждой копейкой, добытой превеликими трудами, приговаривая любимую поговорку, дескать, копейка рубль бережет. Валентине от отцовских щедрот мало что отваливалось. Иван Лукьянович выпустил дочь на свободу без приданого, рассчитывая на Левино национальное происхождение, желал урвать для себя от родного зятя. Но, усмотрев огромную прореху в зятевых доходах, Иван Лукьянович вычеркнул

дочь из родственного списка. Изредка он навещал Леву и Валю, съедал одну половину зажаренного в духовке гуся, выпивал две бутылки домашней наливки и на шесть месяцев напрочь забывал Валино лицо. А Леву Бронштейна Иван Лукьянович тихо ненавидел. Даже адрес проживания родной дочери не вспоминал до следующего свидания. Так и повелось. Каждые полгода Валя звонила отцу, чтобы пригласить его в гости по случаю очередного семейного торжества. Иван Лукьянович одалживал проездной билет у соседки по квартире, затем до блеска вычищал драной щеткой парадно-выходной костюм тридцатого года прошлого века и долго всматривался в номера троллейбусов на остановке. У Ивана Лукьяновича было плохо со зрением. Старик ехал в гости, как в места лишения свободы. Обратно его доставлял Лева. Капитан Бронштейн взваливал грузное тело на плечо, забрасывая его за спину, словно это было не тело родного тестя, а мешок с картофелем. Все эти манипуляции Лева проделывал безропотно, не матерился, не пилил Валентину. Принимал отца жены, как неотложный родственный долг. А долги возвращать надо. Раз в году Валентина производила генеральную уборку в комнате отца. Стирала белье, занавески, боролась с пылью и паутиной, скопившейся в углах и под кроватью, она бы чаще наезжала, но отец был неумолим. Ежегодные чистки его вполне устраивали. Однажды Валентина наткнулась на тугие свертки под матрацем. Она потыкала пальцем в смятую газету, попыталась проделать дырочку в одном из свертков, но в это время в комнату вошел Иван Лукьянович.

– Валентина, положь на место, не трогай! – гаркнул сиплым голосом бывший боцман.

– Пап, а что это такое? – спросила Валентина, вытирая испарину со лба.

– Не твоего ума дело! – отрезал Иван Лукьянович. – Положь на место.

Валентина послушно сунула свертки под матрац, но в ее подсознании осталась память о тугих свертках, набитых скрученными в трубочку бумажными рулончиками. Она догадывалась, что отец копил деньги на похороны. Под матрацем было много денег. Рано или поздно получатся богатые похороны. С оркестром, с причтом и дьяками. Так думала Валентина. Иначе к чему бы отцу столько денег. В конце концов, если с Иваном Лукьяновичем что-нибудь случится, Лева никогда не бросит его. Надо будет лечить тестя – капитан вылечит. Надо будет похоронить тестя – капитан похоронит. А сейчас Лева попал в беду, значит, отец должен помочь. Забрать бы тугие свертки из-под матраца. Валентина прошла сквозь полумрак грязной лестницы, пропахшей человечьей и кошачьей мочой, с силой надавила на кнопку звонка.

– Кто? – тут же откликнулся звонкий голос за дверью, будто неведомый сторож стоял и ждал, когда кто-нибудь позвонит или постучит.

Это была соседка, по голосу слышно, Валя не любила любопытную сухопарую кочергу, обросшую с ног до головы редкими волосиками. Сама старая, а голос, как у пионерки. Она уже давно приглядывалась к наследству Ивана Лукьяновича, положив «глаз» на комнату и имущество старого холостяка. У соседки было много дочерей, но все они разбрелись, как сумели, поселились на разных окраинах города, лишь бы не существовать в едином пространстве с родной матерью. Разумеется, они рассчитывали на законную жилплощадь, предъявляя на коммуналку свои права. Одна из дочерей оставила матери своего отпрыска. Для пригляда за комнатой. Много лет неугомонный отпрыск разбавлял существование старой женщины своим присутствием. Потом бесследно пропал за горизонтом города. Соседка тихо перекрестилась, обрадовавшись, что законного претендента на жилплощадь с концами поглотило городское дно. А Иван Лукьянович, к пущей радости Валентины, отверг притязания соседки, та оскандалилась, но Ивана Лукьяновича в покое не оставила, питала надежды в глубине души.

– Теть Фень, открывай скорей, это я, Валюшка, – сказала Валентина.

И дверь глухо заскрипела. Отцовский дом встречал Валентину радушно, с любовью, приветливо, по всем законам человеческого гостеприимства.

– Валюшка, а отца нету дома, – сказала тетя Феня. – Ушел куда-то. Наверное, бутылки собирает. В Александровском саду. Там у него целый угол отвоеван у бомжей. Почти полгек-

тара. Возами бутылки носит. Богатый стал, важный, все молчком да молчком. Слова теперь даром не скажет.

В звонком голосе чувствовалась ничем не прикрытая зависть. И явная лесть. Тетя Феня, нисколько не стесняясь, откровенно подлизывалась к Валентине. Очень уж хотела породниться.

– Теть Фень, у меня голова болит, – плаксивым голосом сказала Валентина.

Тетя Феня обидчиво поджала узкие губы. Лицо соседки превратилось в заостренный треугольник. Получился мерзопакостный угол с коммунальным уклоном.

– Ну и ладно, не хочешь со мной по-человечески, и не надо, – ржаво проскрипела соседка.

И тетя Феня ушла, от обиды сильно хлопнув дверью. У Валентины заломило в ушах. Лева находится в опасности. Надо действовать, некогда тут рассусоливать. Валентина нагнулась и пошарила рукой под ковриком. Ключа не было.

– Нету ключа-то, – сердито буркнула соседка, она появилась сзади, тихо и неожиданно, нависнув зловещей тенью, – он с собой теперь ключ берет. Не доверяет мне.

– А я в кухне посижу, – беззлобно предложила Валентина.

Опыт прошлого коммунального бытия подсказывал, с соседкой лучше не ссориться. Дешевле обойдется. Валентина прошла в места общего пользования. Отцовский стол скромно пристроился в дальнем углу, будто не хотел привлекать к собственной персоне постороннего внимания. Столешница, покрытая старой пожелтевшей газетой, пустые молочные бутылки, оставшиеся еще с советских времен, проволочная сетка для просушки вымытой посуды. Тетя Феня зорко наблюдала за пока безобидными перемещениями Валентины. Не дай бог, перейдет через чужую границу. Расстрел на месте. Непреложный закон коммунального бытия.

– Теть Фень, а давно отца-то видели? – спросила Валентина, прерывая мучительное молчание.

– Дак с месяц уже как не видела, – живо откликнулась тетя Феня.

Соседка явно утомилась от длительного бездействия. Она засуетилась у плиты, начищая белой тряпочкой газовые горелки. Плита изрядно потускнела от нещадных чисток. Широкие ржавые полосы расползлись по эмалевым бокам, некогда выкрашенным белой краской.

– Как это? – удивленно воззрилась на тетю Феню Валентина. – В одной квартире живете и месяцами не видитесь, что ли?

– А что мне с ним, детей крестить? – обиженно возразила соседка. – Утром рано уходит, вечером поздно приходит. На кухню совсем не заходит. Ничего не готовит.

– А что он кушает? Чем питается? Стол пустой, никакой еды нету, – Валентина повозила руками по старой газете.

– Дак он давно ничего не готовит, тихий стал, богатый потому что, – завистливым голосом проскрежетала тетя Феня.

– Да не придумывайте вы, тетя Феня, скажете тоже мне, – отмахнулась Валентина.

Сквозь ворох путаных мыслей проскочило легкое беспокойство. Валентина бездумно водила руками по столу, коленям зачем-то потрогала спинку обшарпанного стула. Все эти движения она совершала истово, словно молилась, довершая умственный религиозный обряд обязательными ритуальными действиями.

– Валюшка, ты чего вся посинела? – сказала соседка. – Расслабься и получи удовольствие. Хочешь грибного супчика? Я ведь сама грибы собирала, в лес ездила, а сушила над плитой. Вот здесь.

Соседка потрясла ободранной кастрюлей. Валентина подавила брезгливое отвращение. Глубоко в печенках засело любезное соседское радушие. С детства Валентина питала ненависть к общественным пирогам. Сама научилась отменно готовить, лишь бы чужим не закусывать.

– Не хочу, теть Фень, не хочу. Язык будто провалился. И аппетит пропал. Что-то беспокоюсь я. Как бы чего не случилось с отцом. Сердце прямо так и колотится. Месяц уже человека нет, как же это, а, давай-ка ключ поищем, что ли?

И Валентина сделала вялую попытку приподняться со стула, но тут же неуклюже, с шумом плюхнулась обратно. Едва не промахнулась мимо, а соседка радостно осклабилась. Чужое горе в радость.

– А чего его искать? Дверь тонкая, фанерная, хлипкая, толкни, она и распахнется. Ключ, он так, для забавы. Для ворон. Как пугало.

И тетя Феня покатилась по коридору. Валентина набралась мужества и встала, пошатываясь, помахала руками, обретая равновесие, и поплелась следом за соседкой. Они вдвоем налегли на дверь, раздался скрип, потом невеселый треск, дверь подалась вперед, увлекая за собой, но обе женщины вдруг остановились, как вкопанные. Иван Лукьянович возлежал на высокой кровати. Бездыханный и сухой, остроносый, с длинным вытянутым подбородком и удивленным лицом. Валентина охнула и сползла на пол, тихо подвывая, тоскливо и безнадежно. Лева пропал. Теперь вот отец скончался. Все пропадает, уходит куда-то. Как жить дальше? Соседка подбежала к кровати, схватила руку Ивана Лукьяновича. И отпустила, рука упала, как предмет, невольно отделившийся от основного туловища. Раздался сухой стук. Валентина схватилась обеими руками за грудь.

– Да не вой ты так, Валюшка! – закричала соседка. – Отец показывал тебе завещание?

– Не-а, – неуверенно сказала Валентина, – не показывал. Мы и не говорили об этом. Отец не любил наперед загадывать.

– Давай ищи, не сиди без дела, как кислая квашня, а я пока вещи посмотрю. – Соседка принялась споро, торопливо ощупывать костлявого старика с изумленным выражением на лице. Отец Валентины чему-то был безмерно удивлен, что-то он увидел такое на том свете, что поразило его прямо в сердце.

– Не смей! – Валентина поднялась с корточек. – Я сама. Сама все сделаю. И посмотрю. И проверю. Идите уже, теть Фень. Идите отсюда.

Валентина с силой оттолкнула нахальную соседку, сбросив ее морщинистые руки с мертвого отцовского тела. Обиженно насупившись, соседка нехотя выползла. Валентина тотчас же запустила руки под матрац. Слава богу, свертки на месте. Спокойно лежат себе. Валентина, не обращая внимания на бездыханное отцовское тело, нисколько не смущаясь чрезвычайной обстановкой, сорвала бумагу на свертках. Истлевшая газета рассыпалась мелкой трухой, волнами разошлась в пыль, на полу образовалась кучка из обрывков бумаги. Наконец, Валентина размотала первый рулончик. И… Жена капитана Бронштейна громко застонала. Грудной стон поднялся к потолку, сначала покачался на старенькой люстре, затем переместился ближе к форточке, немного подумал, размышляя, что ему делать дальше, и улетел в кухню. Отправился прямиком к тете Фене, наверное, решил жидким чаем побаловаться, чтобы душу отвести в теплой компании. А Валентина все рвала и рвала тугие рулончики на мелкие кусочки. Вместе с ногтями рвала, раздирая в кровь пальцы, будто снимала с себя кожу. Иван Лукьянович Тараскин хранил под матрацем советские деньги. В свертках были сплошные червонцы. Хрустящие ассигнации. Красный цвет. Алое зарево. Под изодранными ногтями яркими огнями пылал четкий профиль вождя всех времен и народов.

* * *

Капитан Бронштейн задремал, но оставил один глаз для контроля за окружающей действительностью. Правый мирно спал, левый бодрился, топорщась рыжими ресницами. Смешная ситуация принимала непредвиденный оборот. Николай Чуркин изображал из себя гостеприимного хозяина. Тройственная компания пребывала в тягостных раздумьях. Четвертый

член союза находился на боевом посту. Витек, Совок и Колек. На лестнице – Санек. Отличная компания, дружная команда, настоящий квартет.

– Брателло, – тронул за плечо Леву один из членов тайного союза, кажется, Витек.

А может, Совок, кто их разберет, все трое были на одно лицо, как будто от одной матери произошли.

– Брателло, – сказал Витек-Совок, – бабки вернете – и прямой ходкой на свободу. Четко?

– Четко, – согласился Лева, – четче не бывает.

– Тогда Санек вольется в нашу компанию, – сказал Витек-Совок, – а я свистну.

– Зови, – вздохнул Лева и закрыл оба глаза.

И правый глаз закрыл, и левый. Потому что смотреть на происходящее капитану было тошно. Тошнее не бывает. Чуркин уже израсходовал весь запас амбарных анекдотов. Словесный источник иссяк. Даже спасительная футбольная тема не радовала:

– Один наш футболист сегодня женится на какой-то певице. Только я фамилию невесты забыл, – огорченно сообщил Чуркин. И сник с печальным и несчастным видом, опал, будто футбольный мяч, проткнутый гвоздем.

– А какой футболист-то, как звать его? – спросил Колек.

– Тоже забыл. Утром по радио передавали. У меня на фамилии памяти нет. А вот анекдоты отлично помню. Ребенок у матери спрашивает, мол, мама, а кто у нас папа? Она отвечает, да футболист, сынок, наш папа. А кто это такой футболист, мама? Есть такая профессия, сынок, родину позорить.

Чуркин весело загоготал, но члены команды настороженно молчали, не поддержав веселья. Они не поняли юмора. Чуркин затих. Лева шумно сопел, переваривая новейшие события. Бесполезный «макаров» прожигал спину. Патронов в магазине нет, патроны закончились, а новых еще не выдали. Начальник отдела запретил выдавать капитану патроны. В порядке порицания. Пустой пистолет, он ведь как детская игрушка. Нет. Хуже. Новогодняя хлопушка. Даже пугать им нельзя. Вреда больше будет. Контроль вышел из-под контроля. Придется ждать. Валентина обязательно придет на выручку, а пока она собирает необходимую сумму, Варзаев вышлет отряд ОМОНа. По завершении операции Бронштейну с Чуркиным обеспечено по должностному выговору, зато прокуратура отстанет. А Санек, Витек, Колек и Совок загремят в камеру предварительного заключения. Сокращенно – КПЗ. Они будут сидеть там до выяснения обстоятельств. На всю операцию уйдет максимум пять часов. Минимум – три. Час уже прошел. Мобильная связь закончилась. Денег нет, счет прикрыли. Чуркин тоже без мобильного, а дежурный не догадается оплатить. Обстоятельства – хуже не бывает. Братва прибыла на место раньше времени. Старик опередил события. Достать бы сейчас хозяина квартиры да тряхнуть его хорошенько. Старый пень устроил всем нехорошую жизнь. Лева сердито нахмурился. За стеной что-то пискнуло. Сначала слабо пискнуло, затем шум усилился, что-то забегало, шумно и нервно завозилось. За стеной явно засели крысы. Много крыс. Серые твари, мудрые, как боги. Лева брезгливо поморщился. Крысы всегда вызывали у капитана мистический ужас. Странный шорох олицетворял иную жизнь. За стеной что-то совершалось, что-то неведомое и таинственное. Лева содрогнулся. Капитан открыл глаза, поочередно, сначала левый, затем правый.

– За стенкой крысы. Они прогрызли гипрок. Сейчас принялись за проводку. Закусывают телефонным проводом, через десять минут мы вообще останемся без связи, – тихо шепнул Бронштейн.

Николай Чуркин вытаращил глаза. До заторможенного сознания медленно доходил смысл слов, казалось, слова звучали отдельно от смысла. Николай тоже боялся крыс. Эти животные пугали его своей слаженностью с внешним миром. Там, где появляется человек, к нему, как правило, сразу примыкает крыса. Они друг без друга жить не могут.

– Ты понял? – прошипел Лева.

– Брателло, прибавь звук. Ни хрена не слышу, ухо в лагере застудил, на лесоповале, – сказал Витек, а, может, Совок.

Мирно так сказал, совсем не воинственно, не как бандит отъявленный. Обычный парень ухо застудил в лагере, может, в пионерском. Там тоже лесоповал бывает. И костры горят горючие, и дымы дымят дымучие.

– Крысы, говорю, за стеной. Много их там. Они проводку кушают. Обед у них, что ли, – крикнул ему в ухо Лева, – сейчас без связи останемся! У вас есть мобилы?

– Да есть, только без сим-карт. Надо было подсуетиться, зайти в салон связи, но мы решили сначала деда навестить, – сказал Витек.

Главным в команде квадратных числился Витек. Совок все время загадочно молчит, глухой, что ли, наверное, тоже ухо застудил. Или еще какой-нибудь другой орган повредил. Колек иногда мычит, поддакивает, подыгрывая в лад главарю. Отличная команда упаковалась.

– Вот и посидим, – сказал Лева, – от души посидим. На вечную память – посидим.

– А-а-э-э, – кивнул Витек с недовольным видом, но согласился, кивнул, – посидим, посидим. Когда твоя-то придет?

– А как бабки найдет, так и придет, – охотно подсказал Бронштейн. – Подождать надо.

– А когда найдет-то? – Витек проявил нетерпение.

– Когда кто-нибудь потеряет, – коротко бросил Лева и отвернулся к стене. Никакой возни за стеной, писк прекратился, видимо, крысы ушли в другое место, покинули людей, оставив их без присмотра. Сожрали провод и ушли. Сделали свое дело. Твари бессловесные. Лева вдруг обозлился. На любую тварь можно найти управу. Самая хитрая крыса не перехитрит капитана Бронштейна. Не родилась еще такая крыса.

– Лева, а я тут у деда нашел какую-то отраву. Может, подкинем крысам? На ужин, – наивно предложил хозяйственный Чуркин.

Николай держал в руках какие-то пакеты с яркими наклейками. На ярлыках красочно и живописно погибали в муках вредные животные.

– Что это? – сказал Лева, зажмуривая от омерзения оба глаза.

Наклейки остались в памяти. Мозг навечно запечатлел пляшущих в муках крыс.

– Клей какой-то, – захихикал Чуркин, – крысы с разбегу налетят на тарелку, прилипнут, и никто не сможет их отодрать. Вот и вся забава.

– Не пойдет. Крысы не дураки. Сами только перемажемся этой гадостью. Надо ловушку поставить. Нам еще долго тут париться.

Капитан вдруг затосковал. Двое против четверых. Чуркин и Бронштейн оказались волею судеб в крысиной ловушке. В одном капкане с уголовниками. Весело, нечего сказать. Лева лихорадочно искал пути выхода из кризиса.

– Бабки нам вернете – и на волю с чистой совестью, – завел любимую пластинку Витек-Совок.

Чуркин виновато потупил взор. Николая грызла совесть, точнее, ее остатки. Их оказалось достаточно для того, чтобы Чуркин осознал горькие последствия своего опрометчивого поступка. Ведь это Николай уговорил Леву покемарить в явочной квартире, заманив в ловушку двух капитанов. Николай хотел устроить шутку. Леве надо было спрятаться от Валентины. Хотя бы на время. Теперь глупая шутка переросла в уголовную комбинацию. А как выбраться, Чуркин не знал. Николай никогда не умел выбираться из сложных поворотов. За него всегда все делали другие, более изворотливые. Эти ловкие и умные вытаскивали Николая из беды, помогали Чуркину в трудную минуту. Он привык препоручать свою судьбу другим. Сейчас Николай доверился Леве, вручив ему ключи от заколдованной квартиры. Он предоставил капитану возможность самостоятельно решить хитрую головоломку. Пусть Лева помучается, подумает, а ключи капитану понадобятся для внутреннего осмысления. Капитан Бронштейн представлялся Чуркину спасителем. Лева чувствовал внутреннее ликование напарника, ведь

Коля благополучно избавился от моральных и иных угрызений, переложив тяжкий груз ответственности за содеянное на широкие плечи капитана. Лева ощутил себя королем, Чуркин же перешел в разряд слуги. И для уголовников подобный расклад приобрел привычные формы обитания на планете. Ведь в стане врагов тоже сложилась своеобразная иерархия. Витек был старшим, он безмолвно главенствовал над остальными. Колек и Совок были его подчиненными, слугами, личардами. А Санек существовал ирреально, отдельно от всех. Вроде он был где-то рядом, на лестничной площадке. И его не было, скажет слово и отключится, но его слово имело для команды решающее значение. Тайный идеолог фракции, ее серый кардинал. Все крысы серого цвета, как милицейская шинель. Капитан Бронштейн пытался проникнуть в каждого гостя, чтобы выявить глубинные мысли, узнать, что скрыто за телесной оболочкой. Заглянув внутрь, капитан ужаснулся. Мир оттуда казался черным, как пустая дыра. Капитан вышел из чужого сознания, мысленно отряхнулся, сбрасывая с себя налет уголовного мировоззрения, и принялся раскидывать карты. Он играл отстраненно, внутри себя. Получилось занимательно. Туз, валет, дама, шестерка. Пики, черви, козыри. Целая колода в руках. Поневоле можно стать шулером. Хороший капитан должен уметь делать все. Даже в карты играть. За стеной несмело поскреблись крысы, напоминая обитателям о своем существовании. Первым делом нужно было избавиться от серого полчища. Люди ничем не отличаются от крыс. Разумные существа уверены, что хитрость их уникальна, другим людям незаметна и потому неуязвима. Любую хитрость можно нащупать опытным нервом, уловить, не сходя с места. И, поймав за хвост, вытянуть в длину, предъявляя народу на обозрение. Люди любят смотреть на чужие грехи. И капитан открыл глаза, поманил пальцем Чуркина.

– Чур, ломай гипрок. Ставь ловушку. Будем воевать с крысами или еще с кем-нибудь, кто там возится за стеной.

Захватчики равнодушно прислушивались к словам. Чужое пространство, иные миры, другая война. У каждого своя война, собственные враги. И каждый управляется со своими бедами в одиночку.

* * *

Валентина суматошно порылась в старом белье. Иван Лукьянович всегда хранил вещи в одном месте, привычном, на одной полке, в единственном шкафу. Все белье грязное, старое, изношенное, рвань какая-то. Валентина принюхалась. От белья исходил странный запах. Это был запах изжитого и немытого человеческого тела, он навсегда останется в памяти – ненавистный, противный, мерзкий запах. Валентина сердито тряхнула руками. Век теперь не отмыться. Завещания нигде не было. Ни в белье, ни в шкафу, ни под матрацем. Отцовская комната отойдет государству. Можно было занять денег под комнату, чтобы спасти Леву. Теперь никто не даст. Валентина принюхалась. Уже неделю отец отсутствует на земле. Его дух воспарил над городом, над коммуналкой, над кухонной плитой и мусорными баками. Наверное, там, наверху, отцу хорошо. Не нужно оплачивать коммунальные счета, трястись над каждой копейкой, рыться в помойках в поисках хлеба насущного, склочничать с соседкой, ссориться с ней из-за очереди в туалет. Там ничего нет. Даже туалетов. Нет в них надобности. И еще там полная свобода духа, свобода от долгов и обязательств. Иван Лукьянович должен был загодя подумать о судьбе родной дочери. Не подумал, даже не вспомнил и завещания не оставил. Чтобы оставить завещание, нужно было пойти к нотариусу, заплатить деньги, перечислить все имущество. А какое у отца имущество – рвань, хлам, сплошное старье? Валентина сердито пнула ногой кучку из советских червонцев. Обрывки бумаги рассыпались. Всю жизнь отец копил деньги, экономил каждую копейку, заставлял жену и дочь ходить пешком, не давая им по три копейки на трамвайный билет. Скаредничал, жадничал, скупился, урезал до минимума домашние расходы, мать в могилу спровадил. Теперь все превратилось в пыль и прах. Вален-

тина скорбно понурилась. Она вспомнила, как однажды отец выдал матери кусок бельевой веревки под расписку. После продолжительных выпрашиваний, слез и ссор он долго измерял веревку портновским сантиметром и отрезал ровно столько, сколько считал нужным, записал на бумажке количество выданной веревки. Поставил дату выдачи, время. Но матери не хватило выделенного куска, она долго плакала, сидя над грудой выстиранного белья. Белье так и осталось лежать в тазу. Зато мать повесилась на том самом обрывке, прямо над тазом с бельем. После этого отец перестал стирать, всегда и везде ходил в грязном.

Валентина сжала кулаки. Застарелая ненависть забурлила в ней, заходила судорогами, забилась яростью. И она выскочила за дверь. В отцовском доме Валентине не нашлось приюта. Придется искать спасение у добрых людей. Люди ведь любят помогать нищим, нуждающимся и страждущим. В такие минуты собственная жизнь кажется им сытой и благополучной. У Левы много друзей, они помогут, непременно помогут вытащить мужа из беды. И Валентина расправила крылья, разбежалась и вдруг взмыла. Женщина полетела над городом. Она легко летела. Ей некогда было прохлаждаться в троллейбусах и трамваях. Времени было в обрез. Лева находился в опасности. Капитан никому не нужен, кроме Валентины. Он такой беспомощный и слабый, а Валентина – сильная женщина, она в состоянии прикрыть крылом потерпевшего мужчину. В городе не заметили, что в небе летает какая-то странная женщина, машет крыльями, трепеща от волнения. Люди никогда не смотрят в небо. Им некогда. Они чрезмерно озабочены насущными проблемами. Им нужно зарабатывать деньги. Много денег. С точеным профилем древнерусского города на купюрах. С портретами американских президентов. С европейскими городами и видами, экономическими абрисами богатых стран и держав. Много разных денег существует на белом свете. Их всегда будет мало. А на тот свет деньги не заберешь. Мертвый миллионер ничем не отличается от мертвого нищего. Им больше нечего делить, некому завидовать. И зачем люди так много внимания уделяют деньгам, почему они хотя бы на мгновение не посмотрят в небо? Люди не заметили летающую Валентину. Никто не обратил внимания, а жаль, в небесном полете Валя выглядела безумно красивой женщиной. С гордой головой, прямыми и стройными ногами, с огромными белыми крыльями. Она была прекрасна. Словно белая лебедь плыла по небу влюбленная Валентина.

* * *

Валерий Дмитриевич пребывал в затруднительном положении. Новая должность оказалась беспокойной. Каждую минуту что-нибудь случалось. То на рынке кого-нибудь обворуют, то машину угонят, то фальшивый кредит уведут. Все заявления по нераскрытым происшествиям скапливались огромными кучами прямо в дежурной части. По утрам ответственный офицер охапками приносил разные прошения. Валерий Дмитриевич отвел целый угол в кабинете, но угла было мало, ведь раньше Варзаев не представлял размеры доверчивости горожан. В двадцать первом веке люди продолжали верить в чудеса. Уму непостижимо. Как малые дети. Из-за этого у Варзаева часто случалась головная боль. А иногда даже сердце у начальника прихватывало. А ведь возраст начальника еще не позволял задумываться о сердечных делах. Он был слишком молод. Новая проблема прибавила головной боли, ведь до сих пор в главке ничего не знали о похищении двух капитанов. Валерия Дмитриевича изводило внутреннее сомнение, стоит ли посвящать городское руководство в районные секреты. Беспокоить ли высокое начальство?

Лучше побеспокоить, для здоровья лучше. Варзаев принимал свежее, удивительное решение и тут же отменял его. Надо сообщить о чрезвычайном происшествии куда следует. Если не подготовиться заранее, тогда высокое руководство само побеспокоит Варзаева, да еще как побеспокоит. И Варзаев затаился, он ждал, выжимая из себя страх. Лишь только секундная стрелка переползала на следующее деление, Валерия Дмитриевича вновь принимались грызть

черви сомнения. Они с шумом прогрызали ходы и лазейки внутри черепной коробки. Даже больно стало, Валерий Дмитриевич терпел, терпел, наконец не выдержал и решительно нажал на кнопку. Нужно переложить ответственность на чужие плечи. Пусть с пропавшими капитанами возятся другие. Другим тоже надо помучиться.

– Я в главк. На совещание. Мобильный отключаю. Генерал приказал.

– Валерий Дмитриевич, а по Чуркину с Бронштейном что делать? – вклинился в длинный перечень приказов дежурный майор.

– По ситуации посмотришь, сам справляйся, – Варзаев тут же отпустил палец.

Связь вмиг онемела, теперь дежурный будет выпутываться из ловушки самостоятельно. Валерий Дмитриевич, ступая на цыпочках, неслышно спустился с лестницы и угрем скользнул в салон машины. Через две минуты отдел скрылся в сизом тумане. Над городом плотной пеленой повисло облако автомобильного смога. Весь город сидел в пробке. Город уже давно не работает. Все сидят в машинах и треплются по мобильным. В офисах отсиживают положенные часы заштатные сотрудники и сотрудницы. Примета времени. Историческая метка – облако смога, автомобильный затор, несмолкаемая болтовня по мобильной связи. Полный застой, городское кровообращение нарушено, артерии высохли. Армагеддон в чистом виде. Валерий Дмитриевич выглянул из окна, далеко впереди высунулась голова автомобильной гусеницы. Варзаев поднял голову и увидел летящую над городом Валентину. Красивая женщина. По земле такие не ходят. Они могут существовать только в небе, ведь у них есть крылья. Кажется, видения начались. Глюки, галлюцинации, фантазии. Это от постоянного и устойчивого стресса. Варзаев сердито сплюнул и переключил канал в приемнике. «Свадьба знаменитого футболиста и эстрадной певицы прошла в веселой дружеской атмосфере. Со стороны жениха присутствовали другие футболисты и его дочь. Со стороны невесты – сын и собственный клипмейкер». Варзаев щелкнул переключателем. «Скажи мне правду, атаман, я одного тебя люблю, скажи скорей, а то убьют…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.